

Бестселлер The New York Times

ЛЕДЯНАЯ КРОВЬ

ЭЛЛИ БЛЕЙК

Элли Блейк
Ледяная кровь
Серия «Магия ворона (АСТ)»

Текст книги предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/35957750>

Ледяная кровь. Роман: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-114498-2

Аннотация

<p>Семнадцатилетняя Руби – Огnekровая: она умеет высекать пламя и распространять тепло благодаря магической силе, которой наделена с рождения. Однако в королевстве, где правят Ледокровные, а ее собственный народ жестоко преследуется, девушка вынуждена скрывать свой огненный дар, иначе ей грозит смерть или заточение. К несчастью, происхождение Руби не удастся сохранить в тайне, и это приводит к смерти матери, пытавшейся защитить дочь. Страшное горе заставляет Руби покинуть родную деревню и искать отмщения. Она не желает больше прятаться и клянется сделать все, чтобы свергнуть с престола ненавистного Ледяного Короля.</p><p>Пока Руби готовится к осуществлению непростого замысла, она неожиданно обретает верного союзника среди Ледокровных. Таинственный молодой человек становится для нее не только наставником и близким другом... Но есть ли у них общая цель? И смогут ли они поладить? Ведь ни у одной истории

любви между Ледокровным и девушкой Огненной крови не было счастливого конца...</p>

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	33
Глава 4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Элли Блейк

Ледяная кровь

Роман

*Даррену, Никласу,
Александру и Лукасу,
Люблю вас бесконечно*

Elly Blake
Frostblood

* * *

Печатается с разрешения литературных агентств New Leaf Literary & Media, Inc и Andrew Nurnberg.

Copyright © 2017 by Elly Blake

© Е. Бойченко, перевод на русский язык

© Е. Эллер, иллюстрация на обложке

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Часть первая

Глава 1

Я протянула руку к огню.

Искры из очага взлетели и удобно устроились на пальцах – тепло тянется к теплу. На коже они мерцали, как драгоценные камни. Свободной рукой я придвинула поближе ведро с тающим снегом и опустила на колени, чтобы успеть тут же окунуть руку в воду, если искры вдруг вспыхнут пламенем.

Именно этого мне и хотелось.

Со дня зимнего солнцестояния прошло шесть недель, но моя деревня, высоко в горах, уже была покрыта толстым слоем снега. Бабушка всегда говорила, что холод – это настоящее испытание для дара Огненной крови. Она умерла, так и не успев передать мне истинные знания о силе Огня. А мама заставила меня пообещать, что я никогда не стану пробовать ничего такого.

Вряд ли я смогу сдержать это обещание. Если солдаты короля найдут меня, мне понадобится умение управлять огненным даром.

Я закрыла глаза и направила всю свою энергию в сердце, пытаюсь собрать как можно больше тепла и выплеснуть его вверх и наружу, как учила меня бабушка. Если все сделать

правильно, то яркие искры на моей руке вспыхнут язычками пламени.

Ну же, огоньки, где вы?

Меня столько лет учили гасить внутренний огонь, чтобы он не вырвался наружу, прятать его, делать невидимым, что теперь приходится прилагать усилия каждый раз, когда я хочу найти его. Ага, вот он, маленький сверкающий завиток. Я терпеливо уговаривала его, и тоненький упрямец немного подрос, потом еще и еще чуть-чуть.

Достаточно. Я затаила дыхание, боясь рассеять чары. Вдруг в комнату ворвался холодный воздух, и волосы, разметавшись, закрыли мне лицо. Искры на пальцах погасли, а огненный завиток метнулся назад, в сердце. Мама захлопнула дверь и заткнула щель снизу стеганым одеялом, вся ее худощавая фигура под накидкой тряслась от холода.

– Ужас, что там творится. Я продрогла до костей.

Увидев, как она дрожит, я, наконец, отошла от очага.

– Я думала, ты принимаешь роды.

– Рано еще, – ее зрачки расширились при виде высоких языков пламени и снова сузились.

Я пожала плечами, возбуждение прошло.

– Было так холодно...

– Руби, ты опять этим занималась, – в ее голосе зазвучала знакомая досада.

– Если хоть один человек увидит, чем ты занимаешься – только *один* – они сообщат об этом солдатам короля. Лето

было дождливым, запасы зерна на исходе, люди пойдут на что угодно, лишь бы выжить, и запросто сдадут тебя за вознаграждение.

– Я знаю. Не надо мне без конца это повторять.

– Тогда зачем ты это делаешь? Посмотри, что происходит, даже когда ты *не пытаешься* использовать свой дар. – Она махнула рукой на кучу полуобгоревшего тряпья. Следы пламени все еще покрывали пол.

Я вспыхнула.

– Прости. Сорвалась на днях. Снова. Но сегодня у меня почти получилось контролировать пламя.

Она осуждающе покачала головой, и я поняла, что нет смысла оправдываться. Обхватив себя руками, я медленно раскачивалась. Наконец, ее обветренные пальцы мягко коснулись пряди моих волос. Она всегда говорила, что мне повезло родиться брюнеткой, а не рыжей, как некоторые Огнекровные. Моя кожа, может, и была чересчур загорелой для ребенка с Севера, но в этой сонной деревне друг друга никто не разглядывал. Здесь ни у кого нет власти – ни власти льда, ни власти огня.

– Я понимаю, что этот дар – часть тебя, – мягко сказала мама. – Но по ночам я лежу без сна и тревожусь. Как мы сможем сохранить твой дар в тайне, если ты все равно хочешь его использовать, даже зная, что он опасен?

Этот вопрос она задавала снова и снова на протяжении последних нескольких месяцев, когда я решила начать прак-

тиковаться. И я ответила, как отвечала себе:

– Как я научусь контролировать его, если я им никогда не пользуюсь? И если здесь мы в опасности, почему бы нам не уехать туда, где безопасно?

– Только не это. Ты же понимаешь, что нам ни за что не добраться до границы, а если и доберемся, то окажемся на передовой.

– Побережье...

– Его тщательно охраняют сейчас.

– Нам надо было уехать несколько лет назад, – произнесла я с горечью. – Нам следовало жить в Сюдезии, вместе с нашим народом.

Она отвернулась.

– Ну, что делать – сейчас мы живем здесь, и нет смысла желать невозможного.

Но, увидев, как мало осталось хвороста, она выдохнула:

– Руби, тебе действительно надо было сжечь половину наших запасов дров?

Я сглотнула чувство вины.

– Я больше не буду подкидывать поленья в огонь.

– Мы замерзнем, когда он догорит.

– Я согрею тебя. Ты можешь лечь рядом со мной.

Я похлопала по тюфяку, который придвинула поближе к очагу так, чтобы на него не попадали летящие искры. Ее взгляд смягчился, улыбка тронула губы.

– Ты лучше любого огня. Ты никогда меня не обжигашь,

даже если я придвигаюсь слишком близко.

– Вот именно. Дочка с огненной кровью может быть очень полезна.

Она засмеялась, и у меня на сердце полегчало.

– Мне приятно, честно.

Она притянула меня к себе и крепко обняла, быстро вздохнув и засмеявшись, будто почувствовала силу жара, волнами идущего от меня.

– Мне кажется, что я обнимаю жареного цыпленка. Тебе надо прогуляться и остыть. Может, ты принесешь хвороста, чтобы пополнить наши запасы, которые потратила на опыты.

На улице бушевала метель, снег шипел и таял, падая на островки моей ничем не закрытой кожи. Подвывая, юго-западный ветер сорвал у меня с головы капюшон и взлохматил волосы. Пахло хвоей. Воздух был морозным, но кожа все еще дышала жаром после опытов с огнем. Мама попросила меня набрать хвороста для очага, но еще она хотела, чтобы я слегка успокоилась. Конечно, часть жара лучше было сбросить здесь, чтобы не устроить пожар в хижине.

Я проделывала это и раньше, выскальзывая из дома поздно ночью в пустынный, укрытый снегом лес, руки мои в спешке сооружали костер, потому что мне хотелось управлять пламенем. Но в лучшем случае я поджигала подол своей накидки.

Я собрала небольшую вязанку хвороста и шла, крепко прижимая ее к себе. Лес затаил дыхание, стояла тревожная

тишина, и только ветер шумел в верхушках деревьев. Сюда редко кто забредал, но я все равно украдкой оглядывалась вокруг, и стук сердца отзывался в ушах. Закрыв глаза, я призывала себе на помощь маленький завиток пламени, который обнаружила раньше. Хворост нагрелся в моих руках.

Ветер сменил направление и теперь дул с севера, обещая метель с мокрым снегом. Я задрожала и крепче прижала к себе хворост, пытаясь закрыться от холода, который проникал внутрь меня, вытесняя тепло.

Вдруг из чащи леса донесся звук шагов.

Я бросила хворост и вскарабкалась на камень, сметая сугробы снега. На северо-западе тропинка вилась по оврагу, нависающий край которого закрывал ее от снега. Через несколько секунд я, оставаясь в укрытии, смогу увидеть, кто приближается.

Сначала показался капюшон; затем между серыми стволами деревьев под небом стального цвета замелькал металлический шлем. Затем появились мужчины в ярко-голубых туниках, нарушавших ослепительную белизну вокруг.

Тяжелая поступь и громкие голоса солдат взорвали тишину.

К сердцу прихлынула кровь, страх обернулся жаром.

Тысячу раз меня предупреждали о солдатах короля, но я всегда говорила себе, что мы слишком высоко в горах и слишком мало значим, чтобы тратиться на поиск Огнекровных. Я надеялась, что они просто шли мимо, возвращаясь

с сурового севера. Но наша хижина стояла прямо у них на пути. Они могли легко забрать запасы еды из нашей кладовой или воспользоваться нашей хижинкой для ночлега. Нельзя было рисковать: находясь рядом, они могли почувствовать жар, исходящий от моей кожи.

Я спрыгнула с камня и бросилась в сторону дома, едва дыша, стараясь не шуметь, пробираясь сквозь деревья и кусты и прячась в подлеске и за пригорками.

Когда я добежала до нашей хижины, мама сидела у огня, её длинные волосы были распущены и свисали на спинку плетеного стула.

– Солдаты, – я схватила ее тяжелую накидку, все еще сохнувшую у огня, и кинула ей. – В лесу. Если они решат здесь остановиться...

Мама глянула на меня в изумлении и тут же принялась за дело. Она завернула в тряпицу немного сухого сыра и хлеба, затем прошла к выдавшему виды деревянному столу, на котором, в тепле огня, сушились целебные травы. Мы долго собирали их и потому не могли и помыслить о том, чтобы оставить такую ценность здесь. Мы быстро складывали их в клочки ткани, которые завязывали трясущимися пальцами.

Но дверь вдруг широко распахнулась, хлопнув о стену, и травы смело порывом ветра на пол. Из заснеженной тьмы на пороге возникли два силуэта в голубых туниках, украшенных белой стрелой.

– Где Огнекровная? – взгляд солдата переместился с ма-

мы на меня.

– Мы – целители, – за напускной бравадой матери я услышала тщательно скрываемый страх, и ноги мои стали ватными.

Сделав несколько шагов, один из солдат загнал меня в угол и схватил за руки. Я судорожно сглотнула, почувствовав острый запах застарелого пота и зловонного дыхания. Его холодная рука скользнула к моей шее. Мне хотелось повернуть голову и укусить его за запястье, стукнуть, расцарапать ему лицо, сделать хоть что-нибудь, чтобы он убрал с меня свою руку, но у него был меч, и я стояла, не двигаясь.

– Да у неё кожа горит, – сказал он, скривившись в усмешке.

– У неё жар, – ответила мама полным отчаяния голосом.

Вздрогнув, я тяжело вздохнула. *Спрячь свой жар. Погаси его. Успокойся.*

– Не боитесь заразиться? – спросила я, пытаюсь скрыть дрожь в голосе.

– Твоя болезнь не заразна, – он подтолкнул меня к выходу, крепко держа за руку. Яростно пытаюсь вырваться, я опрокинула ведро с красными ягодами, которые собирала перед снегом. Они рассыпались по полу, как капли крови, и он давил их сапогами, выталкивая меня на улицу под свет луны.

Давление в груди нарастало. Казалось, что огонь из очага проник мне под ребра и хотел вырваться. Бабушка описывала это чувство, но раньше мне не приходилось его испыты-

вать. Внутри меня как будто разрастался огненный шар, который рвался наружу. Мне хотелось снять кожу, чтобы выпустить его.

Боль нарастала, и мне показалось, что она убьет меня. Я закричала и вокруг меня образовалась оболочка из обжигающе горячего воздуха, накрывшая моего противника. Он отпустил меня и упал на землю, корчась от боли. Я бросилась в хижину, где мама отбивалась от другого солдата, который тащил ее к выходу. Схватив полено, я изо всех сил ударила его по затылку. Он качнулся в сторону и упал.

Я взяла маму за руку, и мы бросились прочь. Обожжённый мною солдат все еще стоял на четвереньках, уткнув лицо в снег.

Пробираясь сквозь высокие сугробы, мы быстро бежали прочь от нашего дома – дома, где всегда было тепло и безопасно. Из-за страха и смятения мысли мои замерзли, как и пальцы. Я должна была увести маму в безопасное место. На развилке дороги я свернула направо, в сторону леса, где можно было затеряться среди сосен, которые росли так густо, что снег не достигал земли.

– Слишком холодно, – глухим голосом сказала мама, опираясь на мою руку, – и негде укрыться. Нам надо в деревню.

Развернувшись, мы кинулись в сторону деревни. Мы шли мимо дворов и домов до тех пор, пока мама совсем не выбилась из сил, и мне пришлось тянуть ее на себе сквозь сугробы, которые волнами застыли на тропинке. Когда мы, едва

дыша, приблизились к кузнице, я увидела оранжевые огни на деревенской площади.

– Факелы, – прошептала я, рукой отталкивая мать назад.

Это казалось невероятным. Сколько я себя помнила, я приходила в деревню по крайней мере раз в неделю, не только для покупки еды и других припасов. Мне хотелось ускользнуть от одиночества нашей крошечной хижины, поздороваться с людьми и улыбнуться им, вдохнуть запах свежее испеченного хлеба и иногда уловить тонкий аромат розовой воды, идущий от жен и дочек лавочников. И хотя я никого не могла назвать своим настоящим другом, люди всегда отвечали мне, когда я здоровалась, многие в деревни брали у моей матери настойки для заболевшего отца или сестры, или ребёнка.

Теперь мой уютный мир разлетелся на осколки, как стеклянная банка, упавшая на камень. Запахи хороших отношений, уюта и безопасности улетучились безвозвратно. Это была другая реальность – едкий дым факелов и тяжелый дух, шедший от уставших лошадей и их грязных всадников.

Мы поспешили назад. Но, когда мы проходили между домами, из темноты, как призраки, вышли три солдата с белой стрелой на груди. Мы и дернуться не успели, как они схватили нас и потащили к площади, где уже ждали люди. Все они выглядели испуганными и взъерошенными, как будто их вытащили из постели. Я оглядывалась по сторонам, ища выход, но я не могла оставить маму. Она тихо и смиренно стояла

возле меня.

– Эта девчонка Огнекровная? – спросил высокий мужчина с хорошо очерченными скулами и светлой бородой. Он выглядел как командир, и пальто его отсвечивало начищенными пуговицами.

Я вглядывалась в знакомые лица людей из деревни. Грэхем-мельник и его дочь Флэкс. Фермеры Тибальд, Брекен и Том и их жены Герт, Лилли и Мэлоди. Все они приходили к маме лечиться, когда болели, но они понятия не имели, кто я. Мы всегда были лишь добрыми соседями.

Мальчик моего возраста сделал шаг вперед. Сердце мое упало, когда я узнала Клэя, старшего сына мясника. На празднике урожая он отвел меня в сторону, когда вся деревня танцевала вокруг костра. Наши руки дрожали, когда мы поцеловались в темноте. Он отступил назад, почувствовав жар моих губ, слишком сильный для обычного человека, но не отдернул рук. Потом мы украдкой переглядывались, когда я приходила в магазин его отца.

– Это она, капитан, – произнес Клэй дрожащими губами.
– Она убила моего брата.

Мама ахнула и сжала мою руку. Я застыла.

Несколько недель назад отец Клэя приходил к нам. Его младший сын родился недоношенным. Кожа ребенка была холодной. Мама испробовала все мази и средства, которые знала, и, наконец, взяла меня с собой, чтобы я попыталась согреть ребёнка своим естественным теплом. Но малыш все

равно умер. Я плакала три дня.

– Вы знаете, что это неправда, – прошептала я. – Я пыталась спасти его.

– Огnekровная тварь! – сказал отец Клэя. – Ты навлекла беду на всех нас.

Я покачала головой, не веря своим ушам.

– Клэй? Это ты привел сюда солдат?

Лицо Клэя исказилось, но он не ответил. А просто отвернулся.

Словно по команде, жители деревни отступили, когда солдаты подошли ближе. Через несколько мгновений мы с мамой остались одни – две дрожащие женщины, окружённые пылающими факелами.

– Есть способ узнать наверняка, – сказал капитан, держа перед собой факел и наслаждаясь происходящим с холодным взглядом. – Огnekровные не горят.

– Беги, мама! – я толкнула ее на землю.

Шестеро или семеро солдат с факелами медленно окружали нас со всех сторон, их жар обжигал мне лицо. Искры от факелов попали на платье, одежда загорелась, пламя гудело в ушах. Кожа покрылась волдырями, но не горела.

Капитан шагнул вперед, рука двинулась к мечу, и мама бросилась на него. Ногтями она в кровь расцарапала ему лицо. Капитан толкнул её, и она упала в снег. Я попыталась оттащить маму, но, как только я приблизилась, капитан пнул меня ногой в грудь. Я упала на землю, задыхаясь от боли,

огонь на одежде зашипел и погас, соприкоснувшись со снегом.

Когда я с трудом поднялась на колени, он почти лениво поднял меч. Затем с отвращением в глазах, он опустил рукоять меча на голову мамы.

Она сползла на землю, как сломанная кукла, волосы рассыпались по снегу тонкими черными линиями, словно нарисованные кусочком древесного угля. Красивая длинная шея изогнулась, как увядший цветочный стебель.

Я подползла к ней, приподняла за плечи и прижала к себе. Дрожащими руками я пыталась нащупать пульс на шее, сильный и устойчивый, как она сама. Но она была неподвижна.

Мир застыл.

Нет. Нет. Нет.

Робкий маленький завиток пламени в моей груди вдруг вспыхнул, превратившись в поток жара, справиться с которым я была уже не в состоянии. Но меня это больше не заботило. Какой смысл прятать свой дар теперь? Я втянула в себя воздух, забрав его у неба, у деревьев, у целого мира. Казалось, вокруг меня взметнулся смерч, и я была его эпицентром.

Я выдохнула.

Пламя, окутавшее мое тело, распускалось огненным цветком и с ревом рвалось вперед. Перед моим затуманенным взором мелькали скорчившиеся от боли испуганные люди,

солдаты падали на землю, пытаясь спрятать лица и руки в снегу.

Тело моей матери все еще лежало позади меня, ее волосы спутались, руки опустились на землю. Развернувшись, я потянулась к ней, но кто-то схватил меня за плечи. Я брыкалась и размахивала кулаками, пытаясь найти глубоко внутри ещё немного огня.

Но пламя погасло, как только меня бросили в поилку для лошадей. Тело мое разбило тонкую корочку льда и погрузилось в воду, которая словно иглами колола кожу. Бока сдавило стенками из грубого дерева. Грудь сковало холодом, я рванулась, пытаясь выбраться, но меня снова толкнули вниз. Я ухватилась за край поилки, впившись ногтями в дерево.

Наконец солдаты вытащили меня из воды, и я вдохнула ледяной воздух.

Капитан наклонился вперед и схватил меня за мокрые волосы. Его лицо было обожжено, а щеки были покрыты волдырями.

– Ты заплатишь за то, что ты сделала со мной и моими людьми. Вся ваша деревня заплатит.

Позади него уже пылал огонь, из витрин магазинов и окон домов извергались черные клубы дыма. Жители пытались остановить солдат, которые размахивали факелами, поджигая деревянные стены, телеги с сеном и груды дров, смеясь и крича, как будто это был праздничный фейерверк. Их голоса смешивались с воплями тех, кто мог только стоять и смот-

реть, как сжигают их дома.

Ярость смешалась с паникой, нагревая мою кровь, и над водой начал подниматься пар.

– Достойное наказание за укрывательство Огнекровной, – сказал капитан, и его глаза сверкали.

Все пострадали из-за меня.

– Я убью тебя за то, что ты сделал этой ночью, – прошептала я.

Пламя плясало, отбрасывая странные тени на его язвительную ухмылку.

– Привяжите ее к лошади. Мы отвезем ее в тюрьму Блэк Крик.

– Но, Капитан, – сказал солдат, – ее огонь.

– Выруби ее.

Боль расколола мне затылок. Последнее, что я увидела перед тем, как погрузиться во тьму, была белая стрела на груди капитана.

Метка Ледяного Короля.

Глава 2

Пять месяцев спустя

В тюремной тишине послышались звуки нетвердой походки: шаркая сапогами, к камере приблизились изрядно выпившие охранники. Солнце только что село, и ярко-красный свет увядающего заката пробивался сквозь крошечное зарешеченное окно.

– Вставай-вставай, маленькая тварь.

Я лежала, съежившись в углу, в привычном положении: свернувшись калачиком, обнимая себя руками, чтобы удерживать в теле тепло, которое жадно забирал каменный пол. Я медленно села, и цепь, прикованная к моей лодыжке, зазвенела. Три пьяные рожи тарасились на меня сквозь решетку.

– Который час? – спросил Брэггер заплетающимся языком. Он был сильно пьян.

– Тебе пора валить в казарму, – ответила я хриплым от жажды голосом.

Он хитро улыбнулся.

– Тебе понравился твой новый аксессуар?

Я посмотрела на тускло-серые кандалы.

– Не подходит к платью.

Он фыркнул.

– Мерзавка, как и все вы. Ну и как тебе в них?

– Никак.

– Зато теперь, как мне кажется, ты будешь держать свой жар при себе, хотя бы в ближайшем будущем.

– Если только вы не решите оказать особое внимание другим заключенным.

За несколько недель до этого Брэггер и его пропитанные элем дружки решили, что им надоело слушать кашель пожилого мужчины в камере рядом с моей. Его крики о помощи пробили толстую стену безразличия, которую я воздвигла у себя в голове. Хотя ужасная грязь и еда из испорченных продуктов ослабили мое здоровье и мой дар, мне все-таки удалось добраться через решетку до Брэггера и слегка опалить его обнажённое предплечье. Избиение прекратилось, но заключенный умер той же ночью, и я унаследовала его цепь в качестве награды за вмешательство.

– Не лезь, куда не просят, Огнекровная мразь, – сказал Брэггер. – А то в следующий раз мы почтим своим вниманием тебя. Тогда ты не продержишься и дня.

Желудок мой сжался, но внешне я оставалась спокойной.

– Вы обещаете мне это уже несколько месяцев, а я все ещё здесь. Наверное, я вам нравлюсь. Темплтон дает мне дополнительные порции.

Темплтон, самый маленький и тихий из них, начал протестовать, но Брэггер просто усмехнулся.

– Я не попадусь на это снова. Стравливаешь нас друг с другом, думаешь, мы забудем о тебе, грязная тварь. Еще раз

спрашиваю. Сколько времени?

– Время сжечь всех вас дотла.

Когда он засмеялся, я поняла, что произнесла это вслух.

– Наверяд ли в тебе осталось так много огня, иначе ты бы давно это сделала. Но, на всякий случай, Рэйджер, ведро с тобой?

– Вот оно, – сказал Рэйджер, ударив металлическим ведром о решетку.

Ключ щелкнул в замке, и дверь распахнулась.

– Так который час? – спросил Брэггер, голос его звучал низко и серьезно, а значит, мне будет только хуже, если я не подыграю.

Я стиснула зубы.

– Час моего обливания.

Он безжалостно улыбнулся в предвкушении.

Я сосредоточилась на том, чтобы не шелохнуться, но как ни старалась, дернулась, когда на меня обрушилась холодная вода, и от моей кожи стал, шипя, подниматься пар. Охранники скрючились от смеха.

– Такое никогда не надоест, – сказал Брэггер, затаив дыхание возле моего лица. – Свистящий чайник в форме девушки. Интересно, что произойдет, если мы выпьем весь этот красный чай?

Я медленно подняла руку, чтобы откинуть назад прядь промокших волос. Его глаза настороженно следили за каждым моим движением.

– Я не боюсь тебя, – сказал он, но отошел, когда Рэйджер шагнул вперед и опрокинул на меня ещё одно ведром воды с кусками льда, которые оцарапали мне щеки и запутались в волосах. Я вдохнула, желая контролировать пар, который так забавлял их. Но опять же, без пара не было бы никакого страха. Я видела, что они делали с заключенными, которые их не пугали.

После третьего ведра у меня промокла спина, и я начала дрожать.

– Не знаю, почему за тобой до сих пор не пришел палач, – сказал Брэггер, – но это вопрос времени.

Он быстро ударил меня в плечо, сбив с ног. Я свернулась калачиком, когда дверь камеры с лязгом закрылась. Смеясь, они двинулись дальше.

Я холодна, как тюремные стены. Я не чувствую ничего.

* * *

Лед трещал, как будто ломались кости.

Я проснулась и рывком села, сердце бешено колотилось. Нечто темное, странное и нечеловеческое витало надо мной, леденящим холодом касаясь щек. Я стряхнула остатки сна и пригляделась.

Тюрьму накрыло белой волной льда, коркой покрывшего каменные стены и проникшего в каждую щель, в каждую замочную скважину. Лед разлился по полу, образовав сверка-

ющий щит, и остановился в нескольких сантиметрах от меня. Я была на каменном острове в море льда.

Кто-то подошел к моей камере. Я подавила стон. *Только не охранники. Пожалуйста, хватит на сегодня.* Но это были не охранники – я уловила запах смазанной кожи и мыла. Я подняла взгляд – возле камеры стоял высокий человек в капюшоне и держал факел в правой руке. Желудок сжался, на затылке зашевелились тонкие волоски.

Рядом возникла еще одна фигура в капюшоне. Этот человек был намного ниже и опирался на трость. Из-под капюшона выглядывала короткая белая борода.

– Думаешь, это она? – спокойно спросил он, и его изысканный акцент показался абсолютно неуместным в этом последнем пристанище безродных убийц и воров.

– Смотри, – сказал тот, что повыше, звучным низким голосом. – Видишь, лёд не приближается к ней.

Он втянул в себя воздух и с силой выдохнул. Вода в воздухе превратилась в льдинки, которые сыпались на меня крошечными гранулами и таяли, превращаясь в пар от соприкосновения с моей кожей.

Подавив стон, я широко раскрыла глаза от ужаса. Это были Ледокровные – те, чей дар был полной противоположностью моему. Изо всех сил я старалась дышать ровно, чтобы скрыть панику.

– Видишь? – в его голосе послышался восторг.

– Сядь, малышка, – сказал тот, что был пониже, постуки-

вая тростью, словно стучась в мою дверь. – Мы хотим поговорить с тобой.

Я не двинулась с места. Я очень хотела, чтобы они ушли и оставили меня в покое. Меня сковал такой же страх, что и в тот день, когда в деревню пришли солдаты. У охранников не было дара, а им все равно удавалось сделать мою жизнь невыносимой. Но они хотя бы боялись моего огня. Страшно подумать о том, что могли сделать со мной Ледокровные.

– Делай, как он говорит, – сказал высокий человек, с важным видом стоявший за тюремной решеткой. – Сядь или я найду ведро с водой, и тогда мы увидим, как ты дрожишь.

Дух противоречия нагревал мою кожу. Я расцепила руки и села.

Старик подошел ближе.

– Сколько тебе лет?

Я нахмурилась, думая, что ответить. Дни слились в месяцы, которые в королевской тюрьме могли растянуться на годы. Казалось, он понял мою неуверенность.

– Прошло две недели со дня весеннего равноденствия.

В груди защемило. Я потеряла почти полгода.

– Тогда семнадцать.

– Ты обожгла солдат короля, некоторых очень сильно, – сказал он. – Хотя они и выжили благодаря помощи искусных целителей.

– Какая жалость, – ответила я, мой голос был таким же холодным, как ледяной пол.

Он усмехнулся и посмотрел на своего собеседника.

– Любопытно, что у нее черные волосы. У тех, кто одарен по-настоящему, волосы обычно огненно-рыжие. – Он протянул ко мне руки. – Покажи нам свое запястье.

Я прижала руки к груди.

– Зачем?

– Мы хотим только посмотреть, – его голос звучал мягко, ласково.

Недолго думая, я подняла руку, разорванный рукав распахнулся, открыв тонкое запястье. Он взял у своего спутника факел и поднес его близко к решетке, свет упал на толстую вену, которая пульсировала, как жирный красный червь под моей кожей.

– Видишь, как она светится красным, – восхищенно произнес он, когда я отдернула руку. А затем закатал свой рукав, чтобы показать мне холодно-синюю вену на своем запястье. – Мы не причиним тебе зла, – заверил он меня. – Мы здесь, чтобы сделать предложение. Если ты выполнишь наше задание, то получишь свободу.

Мое сердце забилося чаще. *Словосвобода* звучало в моей голове, как чистая, ясная нота колокольного звона. Сама мысль об этом была болезненным искушением – чувствовать свежий воздух в легких, поцелуи солнца на коже, игру ветра в волосах. Я задрожала, разрываясь между тоской и ужасом.

Есть вещи и похуже, чем медленно умирать в камере.

В мерцающем свете факела приближались два силуэта,

лед трещал под их ногами. А дыхание затуманивало воздух холодной пеленой.

– Какое задание? – спросила я.

Старик огляделся и покачал головой.

– Думаю, тебе захочется нам помочь.

– Зачем мне помогать Ледокровным? Разве что помочь им умереть.

Он поднял руки и опустил капюшон, открыв худое морщинистое лицо, с кожей чуть темнее, чем моя. Его глаза, такие светло-голубые, почти белые, прожигали меня насквозь. На губах был намек на улыбку.

– Лёд и огонь когда-то были друзьями.

– Не в моей жизни.

Он посмотрел на своего спутника и сосредоточенно повернулся ко мне.

– Тогда, возможно, тебя заинтересует наша цель. Трон.

Я прижала руки к холодному каменному полу, чтобы успокоиться. Это было то, чего я жаждала, *единственное*, чего я хотела с того дня, как солдаты забрали у меня все, – убить короля, который отдал такой приказ. Если бы не король, не было бы ни солдат, ни капитана, ни тюрьмы.

Моя мама была бы жива.

Мои глаза встретились с бледным взглядом старика, голова закружилась. Они хотели, чтобы я убила для них короля, но какой ценой?

– Вы думаете, я доверюсь вам?

Он развел руки.

– Мы здесь и мы предлагаем тебе выход. Если нас обнаружат, то повесят.

– Если вам повезет.

Он кивнул.

– А если я откажусь?

Высокий мужчина выдохнул.

– Тогда ты будешь гнить здесь до тех пор, пока не превратишься в кучу костей, скованных цепями.

Губы мои скривились в ухмылке.

– Один крик, и вы двое будете гнить здесь вместе со мной.

– Очаровательное предложение, – сказал широкоплечий.

– Не могу и представить, что никто не пришел к тебе раньше.

Старик тихо усмехнулся.

– Достаточно, Аркус. Ты согласна с нашими условиями, девочка?

Я еще немного подумала. От других заключенных я слышала, что большинство Огнекровных в королевстве были убиты или высланы. Некоторые, возможно, гнили в тюрьмах, как и я. Но рано или поздно палач придет и ко мне.

Проще будет сбежать от этих людей, чем вырваться из королевской тюрьмы.

Я приподняла голову и кивнула.

Старик наклонился к замочной скважине и подул на нее. Лед пробил отверстия вокруг, и раздался громкий щелчок. Дверь распахнулась.

– А моя цепь? – спросила я, указав на лодыжку.

Он подошел ближе, опираясь на палку, и снова подул. В замочной скважине образовался лед, но через секунду растаял. Он попробовал еще раз, но лед снова растаял.

– Ты слишком сильно сопротивляешься холоду, девочка. Можешь подавить свои способности?

Я покачала головой. Бабушка умерла, так и не успев научить меня.

Из караульной по коридору эхом прокатились тихие голоса.

– Охранники идут, – сказал тот, которого звали Аркус. – Отойди.

Прежде чем я успела моргнуть, он выдохнул струю ледяного воздуха на цепь, вытащил меч из-за спины и ударил им. Я ахнула и отшатнулась в сторону, когда цепь разлетелась.

– Поспеши, – подгонял старик.

Я попыталась встать, но боль в суставах заставила меня опуститься. Мои мышцы стали слишком слабыми, чтобы поддерживать меня.

– Уноси ее, Аркус.

Аркус наклонился, его лицо, скрытое капюшоном, замерло в нескольких сантиметрах от меня. От него исходил запах мыла, лошади и кожи.

– Если ты что-нибудь выкинешь, – сказал он мне в ухо, – я сверну твою тощую шею.

Я впилась в него взглядом и молчала, желая увидеть его

глаза вместо тени. Но видны были только его четко очерченные подбородок и нижняя губа.

– Если ты причинишь мне боль, я обожгу тебя так, что твоя любовница в ужасе сбежит.

Он тихонько фыркнул, а затем поднял меня на руки. Вес кандалов потянул мою лодыжку вниз. Я вскрикнула от боли и удивилась, когда он снова посадил меня, чтобы оторвать кусок ткани от своей накидки. Он намотал ее вокруг моей лодыжки под металлом, чтобы мне не натирало кожу. Затем снова подхватил меня.

Когда мое бедро коснулось холодной кожи его обнаженной руки, он глубоко вдохнул через ноздри, но все равно двигался быстро и спокойно, даже со мной на руках. Мы уже поднялись по дряхлой лестнице, когда в коридор ввалился Брэггер, моргнул и выпучил глаза, увидев, что пленницу уносят.

Ледяная дымка заполнила каменный коридор, покрыла пол сверкающими нитями паутиных узоров. Лед потрескивал, как будто клацали тысячи зубов. Он подкрался к ногам Брэггера, поднялся вверх до талии и дальше, к рукам и шее. Брэггер открыл было рот, но слова застыли у него в горле, когда лёд полностью сковал его тело.

Я уставилась на поднятую руку старика, на его пальцах сияли ледяные кристаллы. Но у меня не было времени поразиться силе его дара. Голоса бодрствующих охранников пронесли по коридору. Аркус прошествовал мимо замерзшего

тела к приоткрытой двери, и старик поспешил за нами.

Как только тяжелая дверь захлопнулась, я задрожала от того, что мне на самом деле удалось бежать. Мои легкие наполнялись сладким чистым воздухом, а глаза слепило почти забытым светом звезд, горящих как факелы в темной комнате.

Руки Аркуса были очень холодными. Его дыхание сбилось.

– Моя кожа жжет тебя? – спросила я, заметив его нахмуренный лоб и сжатые губы.

– Твое зловоние жжет мне ноздри, Огнекровная, и ничего больше. Надеюсь, у брата Тисла достаточно мыла в аббатстве, чтобы отмыть тебя.

Если он хочет находиться подальше от меня, это здорово. Меня такой расклад вполне устраивал.

– А вы, стало быть, брат Тисл? – спросила я старика, который тяжело шагал к повозке и кучеру, ожидавшему в тени здания напротив.

– Да, это я, девочка. А тебя как зовут?

– Руби, – ответила я. – Руби Отрера.

– Руби, – повторил он, улыбаясь. – Подходяще.

Глава 3

Я почти забыла, как трясет и качает, когда едешь в повозке. Аркус сидел рядом, а брат Тисл напротив. Повозка прыгала на кочках разбитой дороги, унося нас от города, а я забила в самый дальний угол, подальше от Аркуса и его ледяной кожи. Хотя я закуталась в одеяла, мои суставы ныли от холода, и волны холодного воздуха, исходящие от него, лишь усиливали боль.

Аркус раздраженно вздохнул.

– Не знал, что люди Огненной крови так восприимчивы к холоду.

Я посмотрела на него. Мой дар помог мне остаться в живых, когда других убивал кашель или ночной холод. Но за месяцы, проведенные в тюрьме, мой внутренний огонь почти угас, и мне было все время холодно, даже если я чувствовала тепло от прикосновений Аркуса. Я сомневалась, что он поймет мою боль, а объяснять не хотела. Спустя пару часов стоны, которые я не могла больше сдерживать, разозлили его до такой степени, что он согласился на короткий отдых.

Мы остановились на пустынном участке дороги. Кучер вышел размять ноги, а оба Ледокровных отошли подальше, чтобы поговорить под большим деревом, голые ветви которого освещал яркий полумесяц.

– Она слишком слаба, – сказал Аркус шепотом. – Сомне-

ваюсь, что она доживет до конца путешествия.

– Доживет, – ответил брат Тисл приглушенным голосом.
– Она выжила в тюрьме. У нее сильный дар. Возможно, она прячет свою силу, а, возможно, у нее есть и другие таланты, о которых мы пока не знаем.

– Отличный слух, например, – предложила я, заставив монаха вздрогнуть.

Мы не так далеко отъехали от тюрьмы и еще могли повернуть обратно. Поэтому я не могла позволить им видеть мою слабость.

Старый монах поклонился, его голос звучал огорченно.

– Приношу свои извинения, мисс Отрера.

Мне показалось, что мои щеки трескаются, как сухая кожа, и я поняла, что улыбаюсь его смущению. Я улыбнулась первый раз за долгое время – я почти забыла эти ощущения.

Аркус повернулся ко мне, от застёжки его плаща отражался лунный свет. Его силуэт и ярко блестящий металл заставили меня вспомнить о солдатах, приближающихся ко мне в мерцающем свете факелов. Моя улыбка исчезла, и я поглубже завернулась в одеяло.

– Я буду считать твою грубость признаком улучшения здоровья, – сказал он.

Через пару минут мы снова отправились в путь через леса и заброшенные деревеньки. Лунный свет освещал провалившиеся крыши, сорванные с петель двери и поломанные заборы. Большинство домов, построенных из глины или со-

ломы, были покинуты и разрушались.

Мужчины и женщины ушли на войну, и больше никому было засеять поля и собирать урожай на этой суровой северной земле. Повсюду были голод и разруха. Поля были в еще худшем состоянии, чем полгода назад, когда меня посадили в тюрьму.

Через пару часов пейзаж изменился. Вместо лесов и полей лунный свет покрывал серебристые кустарники, припорошенные снегом. Мы с грохотом двигались вверх по горной дороге.

– Вы уверены, что не хотите убить меня прямо сейчас? – процедила я сквозь стиснутые зубы, пытаюсь удержать внутренности в теле, которые так и норовили вырваться наружу. – Результат тот же, но страданий было бы меньше.

– У нас на тебя есть планы, – ответил Аркус – и мы не планируем наблюдать за тем, как твое костлявое тело падает вниз по склону горы.

Он сказал это так, будто ему нравилась эта мысль. Такой же соблазн возник и у меня – вытолкнуть его из кареты, когда будем проезжать высокий утес. Или, может, поджечь его драгоценный клубок.

Дорога вывела нас к нагорной равнине, окруженной скалистыми склонами и усеянной заснеженными соснами. То, что издалека казалось грудой камней, оказалось длинным зданием с высокой башней. Луна оседлала башню так, будто кто-то втиснул серп в ее плоскую вершину.

– Это аббатство, о котором вы говорили? – спросила я, заметив груды камней под дырами, зияющими в стенах. – Тюрьма – просто дворец по сравнению ним.

– Тогда вперед – можешь вернуться прямо сейчас, если хочешь, – холодно ответил Аркус. – Я уверен, что охранники примут тебя с распростертыми объятиями. И палач тебя, наверняка, уже ждался.

– Палач ко мне не слишком спешил. У него и без меня полно работы – ведь солдаты короля постоянно привозят новых недовольных. Вряд ли он вспомнит обо мне, пока не закончится приграничная война.

Аркус фыркнул.

– К тому времени ты умрешь.

Я сжала губы. Возможно, он был прав.

Карета подъехала к двери, кучер выскочил и начал распрягать лошадей. Аркус вышел и потянулся за мной. Для человека таких размеров он легко двигался. Я напряглась, когда он поднял меня и прижал к холодной груди.

– Не обжигай меня, и я не причиню тебе вреда, – напомнил он о нашей сделке. Боль отвлекала меня от страха. Я прикусила губу и вцепилась в его мантию, зажмурившись от боли в лодыжке.

– Скажи брату Гамуту, что у нас гости, – сказал брат Тисл стоящему у двери человеку. – Затем отведите ее в лазарет.

– Гости? – сухо повторила я. – И сколько в аббатстве гостей с цепями на лодыжке?

– Намного меньше, чем раньше, – ответил Аркус, переступая через вздыбленную брусчатку, поднимавшуюся, словно зубчатые пальцы. – Именно поэтому это идеальное место для тебя.

И для тебя, подумала я. Вы увезли меня из царской тюрьмы и потому тоже виновны в преступлении против короля.

Большую деревянную дверь в аббатство открыл человек со свечой, свет которой отражала его блестящая лысина с аккуратно выбритой тонзурой. Монах был старым, со сгорбленной спиной, большим крючковатым носом и впалыми щеками.

– В лазарет, – сказал Аркус.

Монах развернулся и пошел в темноту. Мы последовали за ним сквозь темные коридоры с арочными окнами и, наконец, пришли в маленькую комнату с четырьмя соломенными матрасами на полу. Один из них был покрыт старой белой простынёй, в голове лежала тонкая подушка, в ногах было сложено одеяло. Впервые за много месяцев я увидела нечто вроде кровати. Аркус грубо опустил меня на матрас. Я потеряла бедро и устала на него.

Он указал на меня одной рукой.

– Приведи ее в порядок.

С этими словами он повернулся и вышел.

– Славный парень, – сказала я монаху, когда он зажигал подсвечник на стене.

Монах посмотрел на меня пристально, но потом кивнул.

– Конечно, он может быть резким. Но ему это простительно.

– Что может делать грубость простительной?

Он повернулся ко мне.

– Поговорим об этом завтра. А пока нам надо разобраться с вашими ранами.

Я обхватила себя руками и с тревогой посмотрела на него. В тюрьме стражники быстро ампутировали зараженные конечности. Поэтому я пригрозила их грязному целителю тем, что сожгу его, если он войдет в мою камеру.

– Не волнуйтесь, – сказал монах, его взгляд смягчился. – Вы находитесь в незнакомом месте, и вы, конечно же, много страдали, но сейчас вы в аббатстве Форвинд. Братья и сестры Ордена Форса дали клятву принимать всех невинно осужденных и нуждающихся в помощи. Они могут относиться к вам с подозрением, но вреда не причинят.

Я взглянула на него – напряжение чувствовалось и в его взгляде, и в его фигуре.

– Вы не доверяете мне.

Он изучал меня слишком долго, но потом ответил.

– Я буду судить о вас по вашим поступкам, а не по тому, что о вас говорят. Но рекомендую вам спрятать огонь подальше. Не все отнесутся к вам с таким пониманием.

– Я это знаю.

Он кивнул и указал на мою лодыжку.

– Меня зовут брат Гамут. Говорят, у меня хорошо получа-

ется лечить травами. Если вы покажете мне свои раны, возможно, я смогу облегчить вашу боль.

Неохотно я развернула ткань под кандалами. Монах вздохнул, увидев изувеченную лодыжку. Казалось, он забыл о своем недоверии, приблизившись к холодному металлу.

– Мы должны немедленно снять это. – Он повернулся и пошаркал к двери.

– Никаких мечей, пожалуйста! – взмолилась я.

Он повернулся, удивленно посмотрев на меня.

– Конечно, дитя мое. У меня есть набор ключей, которые могут сработать. Я скоро вернусь.

Я не поверила ему, но он сдержал слово и вернулся через несколько минут с набором ключей, бинтами и подносом с миской, чашкой воды и ступкой, которые он положил на трехногий табурет. Его руки беспомощно дрожали, когда он пробовал ключи по очереди, пока, наконец, один из них не разомкнул оковы на моей лодыжке, решительно щелкнув. Отложив кандалы, он достал пучок трав из-за пояса. Тщательно отделив стебли, он измельчил листья и цветы и смешал в ступке, а затем высыпал в миску с водой и положил туда полоски льняной ткани для замачивания. Я шипела от боли, пока он промывал рану и накладывал льняные примочки.

Он глянул на меня из-под седых бровей.

– Есть признаки инфекции, но вам повезло. Далеко она не продвинулась. У меня есть травы, которые предотвратят заражение крови и облегчат боль.

Боль действительно утихла, и я облегченно вздохнула.

– Что вы использовали? – спросила я.

– Растения, что растут на горе. Я много экспериментирую.

Это смесь листьев березы, грушанки и белохвостки. Чай тоже поможет.

Он потянулся к подносу и протянул мне дымящуюся чашку. Несколькоми минутами ранее я бы подозрительно посмотрела на варево, но лодыжка говорила о том, что монах знает свое дело. Я сделала глоток. Мятный вкус грушанки был пронизан незнакомым привкусом – должно быть, это была белохвостка. Чашка опустела, и я вернула ее.

– Могу я принять ванну? – спросила я, пока он собирал свои чашки и травы. Несмотря на усталость, мне страшно хотелось помыться.

– Завтра, – ответил он. – Настойка и чай вместе работают как снотворное. Освобождение от боли – это благословение, правда?

Глаза мои начали закрываться, голова опустилась на подушку.

– Но Аркус распорядился, чтобы я помылась. Разве вы не боитесь его гнева?

Он улыбнулся, положив руку на дверь.

– Есть вещи, которых я боюсь намного больше.

Через окно лазарет заливало яркое солнце, ослепляющее мои отвыкшие от света глаза. Долгое время в тюрьме я видела только его тусклые лучики из оконца, выходящего на северную сторону. Я превратилась в странного ночного зверя, который съезживался в бархатной тьме своего логова.

Теперь моё логово состояло из соломенного тюфяка, мягкого одеяла и тонкой, набитой перьями подушки. Казалось, что это сон: избавиться от холода, от боли, от обливаний грязной водой. Мой взгляд упал на табурет с миской каши, ломтиком сыра и стаканом воды. Откинув одеяло, я на четвереньках подобралась к табурету, шурясь от света.

Каша была густая и сладкая (не то что тюремная баланда), сыр соленый и мягкий – настоящее блаженство!

Насытившись, я вернулась в постель, когда вошел брат Гамут с чашкой целебного чая. Он наклонился, осторожно разматал льняные бинты на лодыжке – точь-в-точь, как это делала мама, когда лечила раненых мужчин, женщин или детей из нашей деревни. Сердце мое сжалось в груди, и у меня возникло странное чувство – мягкие прикосновения монаха напомнили мне прикосновения моей матери. Я отбросила эти мысли прочь и окружила себя стеной, которая так долго защищала меня от горя.

Когда он закончил, я снова подняла тему ванны – горячей

ванны. У меня было мало сил, и я не смогла бы сама нагреть воду. Старую металлическую ванну принесли два монаха – высокая худощавая женщина и толстяк – оба подозрительно смотрели на меня.

Я сделала вид, что не замечаю их косых взглядов, пока они носили ведра с замечательно горячей водой и выливали их в ванну.

– Не мочите лодыжку, – предупредил брат Гамут перед тем, как покинуть лазарет.

Медленно я погрузилась в ванну, и от тепла кровь моя запыла. Мой дар, ослабевший от плохой еды, сырости и отчаяния, вырвался из сердца. Положив больную ногу на край ванны, я намылила губку мылом. Меня терзали противоречивые чувства. Легкость и свобода – слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Когда я вылезла из ванны, вода в ней потемнела от грязи. Я опёрлась на ванну, чтобы обтереться. Брат Гамут оставил мне стопку скромной одежды. Надев простое бельё, коричневую рясу и кожаные сандалии, я вздрогнула, ощутив контраст между моей чистотой и вонью от сброшенной одежды. После месяцев тюрьмы мое простое голубое платье и нижнее бельё превратились в кучу рванья. Я подняла вещи и двинулась к жаровне у дальней стены, затем передумала и направилась к двери.

У меня в голове возник лучший способ избавиться от всего этого.

Повернув ручку, я остановилась. Можно ли мне выходить? Что они сделают, если я нарушу их правила? Тюремные охранники боялись прикоснуться ко мне, но Аркус уже не раз угрожал мне. Холод защитит его от моего жара, и он мог тоже оказаться жестоким.

Дрогнув, я все равно толкнула дверь. Я не позволю страху управлять собой. Я больше не в тюрьме, а если они начнут обращаться со мной как с пленницей, я убегу, как только достаточно окрепну.

Я шла по коридору, избегая любопытных взглядов монахов и опираясь рукой о холодную каменную стену, проклиная собственную слабость. Я напомнила себе, что вчера я не могла даже встать. Так что прогресс был.

Вскоре я нашла дверь, которая вела наружу. Когда я переступила порог, мои легкие расширились, вбирая свежий аромат сосен. Я закрыла глаза и подняла лицо к небу. Как много времени прошло. Я и не понимала, сколько пропустила солнечных дней и как скучала по бодрящему чистому воздуху.

Проглотив ком в горле, я пошла дальше. Снег в основном уже растаял, оставались лишь небольшие сугробы то тут, то там в тени. Аллея высоких фруктовых деревьев привела меня к мелкой речке, журчавшей по гладким камням и исчезающей в высокой траве.

Мне хотелось скрыться из виду, не приближаясь к сухим веткам и траве. Под маленьким деревцем на берегу лежало несколько плоских камней, вероятно для того, чтобы в теп-

лые дни можно было стирать прямо в речке.

Я положила на камень то, что осталось от моей одежды. Утро, когда я надела ее, было худшим в моей жизни. Хотя я и старалась выкинуть эти воспоминания из головы, по ночам они все равно возвращались. Я не могла избавиться от прошлого, но я могла уничтожить то, что напоминало мне об этом. Подняв ладони над обрывками одежды, я закрыла глаза. Вокруг моего сердца образовалось кольцо тепла. *Пусть оно накопится. Нужно терпение и осторожность. Так учила меня бабушка. Подожди, пока оно не начнет искрить, затем укрощай и контролируй.*

Контролировать у меня не получалось никогда.

Я призвала на помощь весь жар, который чувствовала внутри, который так надолго был загнан под кожу, и ощутила легкое покалывание под грудиной. *Страх. Жгучая ярость.* И я выплеснула все это из себя, как масло для лампы, готовое воспламениться.

Мне нужно было почувствовать что-то, что заставило бы меня вспыхнуть. Я представила себе, как сжались руки мамы, как она побежала к капитану, как сверкнул его меч в свете костра. Мое имя у неё на устах.

Она нуждалась во мне, а я слишком поздно нашла огонь.

Если бы я только знала, как контролировать свой дар. Если бы я научилась пользоваться им, несмотря на ее уговоры.

Это моя вина. Я виновата в ее смерти. Я виновата в том, что сожгли мою деревню.

Я рухнула на колени, мои ладони упали на плоский камень. Воспоминания подействовали как искра, попавшая на сухой хворост. Жар рос слишком быстро, бесконтрольно, выплескиваясь из ладоней на грудь и на одежду, жадно поднимаясь вверх, пока всю ее не поглотило огнём. Чтобы поджечь кожу Огнекровного, требуется невероятный жар, но сейчас мне казалось, что пламя пожирало меня живьем, выжигая глаза, вырывая воздух из горла. Казалось, что я снова у себя в деревне, и на меня со всех сторон надвигаются факелы.

Кулаки сжались. *Спрячь свой жар. Контролируй его. Управляй им.* Но огонь не подчинился мне, им нельзя было управлять. Горящая одежда запуталась вокруг моих ног, и я рухнула на землю, мой рот открылся в молчаливом крике.

Глава 4

Я тонула.

Сильные руки удерживали меня в воде, как и солдаты в тот день. Я дрожала и царапалась. Приглушенные проклятия продолжали сыпаться, когда меня вытащили из воды и положили на холодную землю. Руки на моих плечах и вес промокшей одежды не давали подняться.

– Отпусти меня, – я задыхалась от кашля.

– Будь добра, отпусти меня, – раздался звучный голос.

Чьи-то руки пытались стряхнуть мои вцепившиеся в них пальцы.

Аркус, а это был он, повернул меня на бок и хлопал по спине, пока я выкашливала из себя воду. Когда он наклонился ко мне, его капюшон чуть сдвинулся, открыв правильной формы нос и скулы со следами шрамов. Сквозь пелену я заметила, что там, где нет шрамов, кожа была гладкой. Он был старше меня всего на пару лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.